

сначала предпочли юрисдикцию Сирийского патриарха в Индии, были приняты в общение с Римом. В результате возник заметный приток верующих к новой Сиро-Маланкарской Католической Церкви. К 1950 г. в ней насчитывалось 65 588, в 1960 г. – 112 478, а в 1970 г. – 183 490 верующих. Ныне в Церкви 3 епархии и более 325 000 верующих в штате Керала (Индия).

Сиро-Маланкарская Католическая Церковь играет в штате Керала заметную роль в области образования: помимо колледжа Мар Иванди в Тривандруме, Церковь управляет 270 школами и 6 колледжами. Кроме того, она содержит 13 больниц. Главная духовная семинария Церкви во имя Св. Марии была основана в Тривандруме в 1983 г. Первый камень здания семинарии благословил папа Иоанн Павел II в 1986 г., здание было построено в 1989 г., а богословские курсы открылись в 1992 г. В семинарии учатся 160 студентов, преподает 30 преподавателей. Церковь ведет в Индии разнообразную экуменическую деятельность. Епархии Тирувалла принадлежит Экуменический исследовательский институт Св. Ефрема в Каттаяме. В институте работают католики и христиане Св. Фомы, изучающие совместное литургическое наследие и национальную традицию. Мар Василий, новый глава Сиро-Маланкарской Католической Церкви с 1988 г., является членом комиссии по диалогу между Католической Церковью и двумя Древневосточными христианскими юрисдикциями в Индии. Интересное начинание этой Церкви – основание в 1958 г. Курисумалского ашрама. Эта монашеская община основана на строго цистерианском толковании устава Св. Бенедикта²³⁰, соблюдении западно-сирийской литургической традиции и отдельных элементов индуистского аскетизма. Ашрам стал духовным центром, как христиан, так и индуистов.

Итак, обращаясь к истокам зарождения Сиро-Малабарской церкви, очевидно, что расколы и нестроения среди ее христиан вызваны, главным образом, португальской колонизацией. Сегодня потомки христиан Фомы насчитывают около 5 миллионов верующих. Они разделены на пять ориентальных Церквей, включая 15000 верующих, принадлежащих Ассирийской Церкви Востока, а также Сирийскую Православную Церковь, Сиро-Малабарскую Католическую Церковь и Сиро-Маланкарскую Католическую Церковь. Интересно отметить, что у христиан Фомы существует предание, по которому этническая община «южан» или «кнаная» восходит к группе из 72 иудео-христианских семей, переселившихся в 345 г. в Индию из Месопотамии. Есть исторические свидетельства, подтверждающие это предание. Потомки переселенцев, не вступавших в браки вне своей общины, ныне насчитывают около 200 000 человек и образуют две этнические епархии в штате Керала. Одна относится к Сиро-Малабарской Католической Церкви, другая – к Сирийскому Православному патриархату.

Ю.В. Ракина

СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЯПОНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ НА РУБЕЖЕ XIX – XX вв.

Мир в конце XIX – начале XX в. чем-то напоминает современный. Сходство это обнаруживается в развитии международных контактов, вовлеченности разных частей света в единую систему отношений. Причем проявлялось это и в экономике – складывание мирового рынка, рост внешней торговли и иностранных инвестиций, и в политике – формирование общемирового политического пространства, глобального поля борьбы за сферы влияния, и в культуре – взаимодействие культурных традиций в искусстве, мировая экспансия западных ценностей. На это время пришелся резкий скачок в развитии средств коммуникации. Некоторые исследователи даже видят основание относить к рубежу XIX – XX вв. начало глобализации²³¹ или включают этот период в особый этап активной глобализации.²³²

Япония, как и другие страны Дальнего Востока, несомненно, ощутила на себе происходящие процессы. Ее «открытие» Западу состоялось еще в середине XIX в., и к началу XX в. она достигла значительных успехов в мировой западнцентричной системе международных отношений. Пересмотр неравноправных договоров означал обретение Японией полной независимости, а победы в войнах с Китаем и Россией давали право претендовать на звание великой державы.

Вопрос о том, как воспринимали японцы систему международных отношений на рубеже XIX – XX вв., интересен в двух смыслах. С одной стороны, это вопрос о своеобразии японских представлений о междуна-

²³⁰Робертсон Р. Восточные христианские церкви: Церковно-исторический справочник. СПб., 1999. С. 160.

²³¹См., напр.: Friedman T.L. The world is ten years old: the new era of globalization // The Global Agenda: issues and perspectives / Ed. by Ch.W. Kegley, E.R. Wittkopf. 6th ed. NY, 2001. P. 299 – 301; Стритен П. Интеграция, взаимозависимость и глобализация / Реферат подгот. С.М. Макарова // Социальные и гуманитарные науки: Отечеств. и заруб. лит. Сер. 9, Востоковедение и Африканистика. № 1.: РЖ. 2002. С. 16 – 19; Володин А.Г. Широков Г.К. Глобализация: тенденции, истоки, перспективы // Полис. № 5. 1999. С. 84 – 85.

²³²Робертсон Р., например, говорит о «фазе взлета» (1875 – 1925): Fitzgerald T. Globalization: Roland Robertson // Global sociology / SociologyOnline. [Электрон. ресурс]. Адрес доступа: http://www.sociologyonline.co.uk/global_essays/GlobalRobertson.htm. 25.10.02; Г.Терборн называет период с середины XIX в. до 1918 г. четвертой волной глобализации (из шести): Терборн Г. Глобализация: измерения, исторические волны, региональные эффекты, нормативное регулирование / Реферат подгот. П.Н. Фомичев // Социальные и гуманитарные науки: Отечеств. и заруб. лит. Сер. 11, Социология. № 4.: РЖ. 2002. С. 15.

родных отношениях именно в данную эпоху. С другой стороны – это вопрос о самой системе международных отношений в эту эпоху, точнее о том, каков был образ этой системы в создании граждан конкретной страны.

В центре внимания данной статьи – внешнеполитические концепции, которые можно отнести к сфере японской официальной идеологии. Анализируются тексты Окума Сигэнобу (1830 – 1922), Ямагата Аритомо (1838 – 1922), Ито Хиробуми (1841 – 1909), занимавших высокие государственные посты в эпоху Мэйдзи, Суэмацу Кэнчю (1855 – 1920), Арига Нагао (1860 – 1921) – японских дипломатов, а также императорские указы.

Основу источниковой базы данной работы составляют два издания. Сборник статей «Японцы о Японии» впервые вышел на английском языке в 1904 г., а в русском переводе, предположительно, – в 1906 г.²³³ Эта книга представляет собой уникальный труд: она составлена из статей выдающихся государственных деятелей Японии, предоставляющих европейскому читателю своеобразный отчет о развитии страны с момента ее «открытия». Второе издание, использованное в данной работе – известный сборник документов по японской истории «Sources of Japanese Tradition», опубликованный впервые в 1958 г., а затем, еще дважды, 1964 и в 1974 гг.²³⁴

Прямых ответов на поставленный вопрос в текстах источников практически не обнаружено. Однако, анализируя внешнеполитические приоритеты Японии, сформулированные японскими политиками, можно определить, каковы были с их точки зрения ценности и стандарты современной им системы международных отношений.

Одной из таких ценностей, несомненно, являлось равенство. Наиболее показательно в этом отношении высказывание Окума Сигэнобу: «Если мы спросим себя, какие стороны являются наиболее важными во внешней политике, которая может быть названа национальной политикой эры Мэйдзи, то найдем, что импульсом всех национальных реформ было стремление стать на равную ногу с прочими державами, нашедшее себе выражение в императорском указе эпохи реставрации»²³⁵. Несомненно, такая постановка проблемы была относительно новым явлением в японской внешней политике, т.к. до «открытия» Японии национальные мыслители считали подобающим для страны только единоличное положение на вершине мира.²³⁶ Это признает и Ито Хиробуми: «Вообще говоря, все восточные страны – включая Китай и Японию – имеют привычку презирать другие страны и высоко ценить свою страну».²³⁷

Однако японские государственные деятели рубежа XIX – XX вв. мечтали не о равенстве вообще, но о равном положении с так называемыми «цивилизованными нациями». Это становится ясно, к примеру, из слов Ямагата Аритомо и Суэмацу Кэнчю.²³⁸ Вообще стремление к «равенству с другими нациями» и стремление войти в число цивилизованных народов мира были тесно сопряжены друг с другом. Тот же Окума Сигэнобу продолжает: «Эта национальная политика, это так называемое открытие и развитие страны, или, другими словами, эта тенденция встать на равную ногу с другими державами и была, по твердому моему убеждению, тем двигателем, который дал Японии возможность стать цивилизованной страной и подняться в уважении всего мира».²³⁹ Ито Хиробуми же вообще рассматривает как стратегическую цель страны именно приобретение Японией статуса цивилизованного государства.²⁴⁰ Иными словами, в представлениях японцев того времени цивилизованность, как и равенство, была одной из важнейших ценностных категорий системы международных отношений.

Можно обнаружить, далее, что и то, и другое было увязано с определенными правовыми стандартами. Окума Сигэнобу пишет, что для сохранения национальной политики твердой и неизменной, необходимо придерживаться начал международного права и основывать дипломатию на справедливости.²⁴¹ Маркиз Ито также указывает, что у цивилизованных народов существует такая вещь, как всеобщая справедливость, и что Японии нужно будет ее уважать.²⁴²

Здесь следует заметить, что действие норм международного права в то время отнюдь не распространялось на все государства мира. На это указывает исследователь Р.П.Ананд²⁴³ и приводит, наряду с прочим, высказывания Генри Уитона, автора хорошо известной в Японии книги о международном праве. Тот пишет: «Существует ли единообразный закон наций? Он, безусловно, не одинаков для всех наций и государств мира. Действие публичного права, за редкими исключениями, всегда было и до сих пор остается ограниченным

²³³ Японцы о Японии. Сборник статей первоклассных японских авторитетов. СПб., 1906.

²³⁴ Используется второе издание: Sources of Japanese Tradition: In 2 vol. 2-nd ed. N.Y., 1964.

²³⁵ Глава XII. Внешняя политика. Графа Окума // Японцы о Японии. С. 202.

²³⁶ См., например размышления Хирата Ацутанэ, Сато Нобухиро, Аидзава Сейсисай: Sources of Japanese Tradition. V.2. P. 39, 70 – 72, 88 – 89.

²³⁷ Ibid. P. 171.

²³⁸ См.: Ibid. V.2. P. 202; Глава XXIX. Дальневосточный вопрос. Барона Суйематсу // Японцы о Японии. С. 494 – 495.

²³⁹ Глава XII. Внешняя политика. С. 202.

²⁴⁰ See: Sources of Japanese Tradition. V.2. P. 171.

²⁴¹ См.: Глава XII. Внешняя политика. С. 204 – 205.

²⁴² See: Sources of Japanese Tradition. V.2. P. 171.

²⁴³ See: Anand R.P. Family of «Civilized» States and Japan: A Story of Humiliation, Assimilation, Defiance and Confrontation // Journal of the History of International Law. 2003. № 5. P. 2.

пределами цивилизованного и христианского народа Европы или народов европейского происхождения».²⁴⁴ Исходя из этого различия между европейскими и остальными государствами, обосновывалась необходимость экстерриториальности иностранных граждан и отказа неевропейской страны от таможенной автономии.²⁴⁵ Японии же, как известно, удалось выйти из системы неравноправных договоров. Нагао Арига, рассказывая об истории японской дипломатии, называл методы достижения этой цели, состоявшие главным образом в европеизации права, а также нравов и обычаев японцев.²⁴⁶ А граф Окума с удовлетворением заявлял: «До сих пор, как вам известно, даже видные юристы спорили насчет того, должен ли осуществляться принцип внеземельности в нехристианских странах или в странах, не населенных народами белой расы. Но эта теория постепенно была оставлена, и Япония, поставив свое преуспевание на основу справедливости и найдя в этом должную поддержку остального мира, не принадлежа к христианским и к белым расам, достигла, тем не менее, равного положения с ними».²⁴⁷ Случай Японии, не принадлежавшей к странам Запада, но сумевшей стать субъектом международного права, был действительно уникальным для того времени. И, по сути дела, можно вывести следующую закономерность для системы международных отношений той эпохи. Государство, являвшееся полноценным субъектом международного права одновременно обладало статусом независимого, цивилизованного и равноправного с другими цивилизованными странами государства.

Официальная японская идеология демонстрировала приверженность концепции дружеских взаимоотношений с другими державами мира. Прежде всего, это касалось сношений с государствами, имевшими договоры с Японией, то есть опять же с западными странами.²⁴⁸ Всячески подчеркивался мирный настрой японской внешней политики. Интересно, что мирные отношения сопрягались со сферой экономики. Так, Окума Сигэнобу, говоря об успехах страны в торговле и промышленности, называл их «эмблемами мира».²⁴⁹ Суэмацу Кэнчю же писал следующее о планах Японии относительно Китая: «Япония желает лишь одного – поддерживать мирные торговые сношения с Китаем, сообщая с другими цивилизованными народами, и в этом направлении и будет вестись политика Японии...».²⁵⁰

Тем не менее, использование во внешней политике военной силы вовсе не исключалось. Ямагата Аритомо пропагандировал идею защиты «кордонов суверенитета» и «кордонов интереса» в целях обеспечения «независимости и самосохранения страны» и настаивал в связи с этим на необходимости увеличения армии и флота.²⁵¹ В качестве другого обоснования такой необходимости Ямагата, а также Ито, называли цель поддержания мира на Дальнем Востоке.²⁵² Императорский рескрипт об объявлении войны Китаю в качестве одной из конечных целей указывает восстановление мира в регионе.²⁵³ Таким образом, наращивание военной силы оказывалось вполне легитимным в этой системе международных отношений, если оно оправдывалось мирными намерениями.

Сам же мирный настрой был, вероятно, на рубеже XIX – XX вв. и «модой», и необходимостью. Японские политики видели, что в одном регионе могли пересекаться интересы сразу нескольких держав, и что многие проблемы часто решались «сообща». Так, Ито Хиробуми, например, писал: «Будущность Китая – вопрос мировой, касающийся не только Дальнего Востока».²⁵⁴ Суэмацу Кэнчю рассуждал о противоположности интересов России и Англии и о близости интересов Японии, Англии и Америки в дальневосточном регионе.²⁵⁵ Особенно же отчетливо эту мысль сформулировал Окума Сигэнобу: «В настоящее же время, благодаря колоссальному развитию путей и средств сообщения и тесному взаимодействию мировых интересов, картина международных сношений совершенно изменилась. ... В действительности пределы международных отношений постепенно раздвинулись до такой степени, что самое мелкое дело способно затронуть весь мир».²⁵⁶ Таким образом, государственные деятели Японии хорошо осознавали высокую степень международной взаимосвязанности и взаимозависимости.

Более того, в их представлении эта взаимосвязанность и взаимозависимость не сводилась к пересечению интересов отдельных стран: существовали и некие общемировые проблемы, активное участие в решении кото-

²⁴⁴Ibid. P. 21.

²⁴⁵See: Ibid. P. 18.

²⁴⁶См., напр.: Глава XI. Дипломатия. Нагао Арига, японского делегата Гаагской конференции // Японцы о Японии. С. 188, 190.

²⁴⁷Глава XII. Внешняя политика. С. 204.

²⁴⁸См.: Глава XII. Внешняя политика. С.204 – 205; Речь императора к Соединенному Сейму в первый день его открытия (29 ноября 1890) // Японцы о Японии. С.10; Глава XXIX. Дальневосточный вопрос. С. 498.

²⁴⁹See: Sources of Japanese Tradition. V.2. P.191.

²⁵⁰Глава XXIX. Дальневосточный вопрос. С. 498.

²⁵¹См.: Глава VI. Национальная политика при конституции. Фельдмаршала маркиза Арийоши Ямагата // Японцы о Японии. С. 79.

²⁵²См.: Глава IX. Армия. I. Рост армии. Фельдмаршала маркиза Ариоши Ямагата // Японцы о Японии. С. 99; Глава V. Обязанности политических партий (маркиза Хиробуми Ито) // Японцы о Японии. С. 73.

²⁵³Императорский рескрипт, объявляющий войну с Китаем (1 августа 1894) // Японцы о Японии. С. 12.

²⁵⁴Глава IV. Рост Японии. Маркиза Хиробуми Ито // Японцы о Японии. С. 67.

²⁵⁵Глава XXIX. Дальневосточный вопрос. С. 493 – 499.

²⁵⁶Глава XII. Внешняя политика. С. 203.

рых собиралась принять Япония. Барон Суэмацу пишет о роли своей страны на Дальнем Востоке (во время войны с Россией): «Япония взвалила на свои плечи огромную задачу. Она вполне сознает ее величие и важность. Она, однако, убеждена, что борется не только для личных политических целей, но и в интересах всего цивилизованного мира; она, конечно, борется за себя, но в то же время выполняет, как бы по доверию Англии и Америки, дело защиты цивилизации и человечества».²⁵⁷ По мнению Окума, образцовый гражданин должен быть не только полезен своему государству и обществу, но и участвовать в мировых делах.²⁵⁸

Не должно создаваться иллюзии, что, подчеркивая линию Японии на дружбу и сотрудничество с другими странами, на поддержание мира на Дальнем Востоке и на защиту интересов (цивилизованного) мира, японские государственные деятели отодвигали конкретные национальные интересы на второй план. Напротив, в рассуждениях о приоритетах японской внешней политики сквозит, прежде всего, обеспокоенность судьбой страны. Это подтверждает даже само по себе приведение этих приоритетов в соответствие с западными стандартами, игравшими определяющую роль в системе международных отношений того времени. Кроме того, японские политики и напрямую проявляли заботу о положении своей страны – о независимости государства, о его международном статусе (равенство с другими державами, цивилизованность), об увеличении престижа страны за границей.²⁵⁹ Осознается и значение национальных торговых интересов в Китае.²⁶⁰ Вообще защита каждой страной своих интересов воспринимается как вполне естественное явление.²⁶¹

Характеризуя представления японской политической элиты о системе международных отношений на рубеже XIX – XX вв. можно заключить, что западные стандарты воспринимались, фактически, как общемировые. Если речь шла о равенстве с другими странами, то под ними подразумевались, прежде всего, страны Европы и Америки. Само это равенство закреплялось международным правом, опять же западным по происхождению и действительным, прежде всего, для западных стран, считавшихся носителями цивилизации. Поэтому признание равенства с ними одновременно означало и признание цивилизованности государства. Цивилизованность существовала только в одной версии – западной, и воспринималась как один из важнейших ценностных ориентиров в системе международных отношений.

Декларирование миролюбия и дружественности также имело большое значение в этой системе. Особенно же актуальным это становилось в случаях, когда государство готовилось к открытию военных действий или уже вело их. В такие моменты очевидной целью провозглашения мирных намерений было желание не допустить разрастания конфликта и вообще какого-либо вмешательства в него других стран. А вероятность такого вмешательства была весьма высока, учитывая обширные геополитические притязания многих стран и борьбу за сферы влияния. Существование высокочувствительного глобального поля мировой политики было очевидно для японских государственных деятелей.²⁶²

В целом внешнеполитическим представлениям японских политиков на рубеже XIX – XX вв. был, безусловно, свойственен интернационализм. Этот интернационализм был в значительной степени западноориентированным. Важно и то, что нация в рамках этого интернационализма вовсе не отвергалась. Это был именно интернационализм, а не транс-национализм, которым часто характеризуют эпоху глобализации второй половины XX в. В рамках официальной японской идеологии существовал определенный баланс между верностью интересам нации и идеалам «семьи цивилизованных народов». Вероятно, этот баланс во многом был возможен благодаря мировой политической и экономической конъюнктуре того времени.

Н.В. Щапова

ПОРАЖЕНИЕ РИФСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1925-1926 гг.)

После подписания договора о протекторате в 1912 г. территория Марокко была поделена на испанскую и французскую зоны. Установление режима протектората привело к тому, что султан Марокко фактически лишился своей власти, а страна утратила свой суверенитет и целостность. Сразу после установления режима протектората марокканцы начали борьбу против иностранного присутствия на их территории. Национально-освободительное движение, развернувшееся на территории Марокко, приобрело

²⁵⁷Глава XXIX. Дальневосточный вопрос. С. 499.

²⁵⁸See: Sources of Japanese Tradition. V.2. P. 190 – 191.

²⁵⁹Забота о престиже страны – традиционная черта японской внешнеполитической мысли, сохранившаяся еще с периода Токугава (см., напр., высказывания Токугава Нариаки и Ии Наосукэ: Japan: a document history / Ed. by D. J. Lu. N.Y.; L., 1997. P. 283, 287.). Идея увеличения престижа страны звучит и в императорском рескрипте 1894 г. об объявлении войны Китаю, см.: Императорский рескрипт. С. 12 – 13.

²⁶⁰См.: Глава IV. Рост Японии. С. 67 – 68.

²⁶¹См.: Глава XXIX. Дальневосточный вопрос. С. 493 – 499; Императорский рескрипт. С. 12 – 13.

²⁶²Это и неудивительно, учитывая горький для Японии опыт тройной интервенции 1895 г.